

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» исполнитель по гранту, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Образ СССР как противника в американской внешнеполитической документации и социокультурном пространстве в начале «холодной войны» (1946-1950 гг.)

Статья посвящена изучению образа СССР в американской внешнеполитической документации и социокультурном пространстве в первые годы «холодной войны». Исследуется культурно-идеологическая, имагологическая специфика, связанная с восприятием образа другого как соперника / противника, акцентируется внимание на геополитических прогнозах развития советско-американских отношений с учетом возможной эскалации противоречий.

Ключевые слова: «холодная война», образ СССР, имагология, культурно-идеологическое противостояние, документы внешней политики США.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics.

Введение

Изучение «холодной войны» в настоящее время представляет собой одно из наиболее перспективных и актуальных направлений исторических исследований. Это обусловлено не только современной геополитической конъюнктурой, но, прежде всего, интеллектуально-историографическим фактором.

Развитие социологического, политологического, культурологического знания привело к усилению междисциплинарной интегральности, выражающейся в тяготении к комплексному осмыслению в отечественной и зарубежной историографии [1; 5; 10; 28; 44; 46; 49] культурно-идеологических трансформаций, состояний коллективной памяти, причин возникновения и траектории развития конфликтных ситуаций [2; 3]. Традиции ин-

теллектуальной истории, культурной антропологии позволили выйти на новый уровень глобальной эпистемологической рефлексии, совместить оригинальную концептуализированную имагологическую оптику [9; 21; 22; 39;] со сформированной картиной историко-политической реальности, осмыслением новых геополитических вызовов и состояний напряженности [29].

Несмотря на увеличение хронологической дистанции, высокую степень изученности остро конфликтных и узловых, кризисных эпицентров «холодного» противостояния, совершенствование методологического инструментария позволяет эффективно обогатить представление о морфологии антагонизма, представляющего собой не просто оппозицию двух систем, капиталистической и социалистической моделей развития, а сложную,

многоуровневую конкуренцию репрезентативных технологий и возможностей, форм социально-интеллектуальных, дипломатических сопряжений, сопровождавших дрейфами дегуманизации и регуманизации [48]. Как отмечала Т. Шишкова, «холодная война была не столько противоборством двух систем, сколько своеобразным “конкурсом красоты”. Именно поэтому большую роль в ее перипетиях играли проблемы репрезентации: для советского руководства холодная война с самого начала была конкуренцией не систем, а их образов» [30, с. 23].

Образы «своих» и «чужих» [26; 35], а также их пограничные или смешанные состояния с учетом такого подхода рассматриваются как символические ресурсы, политические символы, которые «используются для формирования и корректировки коллективной идентичности, мобилизации, легитимации власти, легитимации насилия и создания чувства уверенности в победе над противоборствующей стороной и которые призваны продуцировать, прежде всего, страх, а также гнев, моральное негодование, отвращение, чувство превосходства, смех» [5, с. 31].

Этим обстоятельством объясняется актуальность обращения не только к финальным, завершающим стадиям «холодной войны», итоговым визуальным поворотам [9], обусловленным уже достаточно внушительным опытом геополитического взаимодействия, а к инсталляционным фазам восприятия, генезису напряженности и первичным прогностическим ожиданиям, воспроизведенным в том числе на медиапространстве, в советской и американской кинополитике, фильмах как медиатекстах.

В данной публикации предпринимается попытка проанализировать документы внешней политики США, исходившие от различных учреждений – федеральных органов власти США, ведомств государственной безопасности и разведки, военных структур, и содержащие нормативно-правовые императивы или организационно-распорядительный дискурс, отражающий процесс информационно-имагологической диагностики. Репрезентативная подборка документов составлена И.М. Ильинским [11, с. 223] на основе американского издания, подготовленного Томасом Х. Этцолдом и Джоном Левисом Гэддисом –

«Сдерживание: Документы американской политики и стратегии, 1945–1950» [43].

Основная часть

24 сентября 1946 г. для президента США Г. Трумэна был подготовлен обзорный отчет, резюмирующий общие тактические установки взаимоотношений с СССР как противником в процессе кристаллизировавшейся «холодной войны». В нем давалась следующая оценка текущих перспектив: «С советским правительством никогда не было легко ужиться. Американский народ должен свыкнуться с мыслью <...>. Если мы не сможем договориться с Советским Союзом о сотрудничестве в решении мировых проблем, то мы должны быть готовы присоединиться к Британии и другим западным странам в попытках построить свой собственный мир, отвечающий нашим собственным целям. В этом случае, Советский Союз будет представлять для нас отдельное общество, с которым не обязательно возникновение конфликта, но с которым невозможно достижение общих целей» [7, с. 90].

Первичная экспликация «мягкой силы» подкреплялась соответствующими этой стадии политико-информационным установками, согласно которым негативный образ СССР на данном этапе конструировался косвенно-побочно, с помощью объективации гуманистически-миротворческой миссии США.

«Поскольку, – говорилось далее, – наши проблемы с Советским Союзом вызваны взглядами и действиями *небольшой правящей клики, а не всего советского народа*, Соединенные Штаты должны энергично стремиться к достижению наилучшего истолкования своего политического курса среди влиятельных советских лидеров и противодействовать антиамериканской пропаганде, распространяемой Кремлем среди советского народа. В максимальной степени, насколько нам может позволить советское правительство, мы должны распространять книги, журналы, газеты и фильмы среди граждан Советского Союза, транслировать радиопередачи на СССР и настаивать на туристическом, студенческом и преподавательском обмене. Мы должны с помощью творческих и культурных контактов убедить советских лидеров в том, что у Соединенных Штатов нет агрессивных намерений и что по своей природе наше об-

щество допускает мирное сосуществование капиталистических и коммунистических государств» [7, с. 95].

На амбивалентной основе был построен агитационно-пропагандистский контент и у противоположной стороны – в СССР и странах социалистического лагеря, что выражалось в его подчиненности концепции «двух Америк» – Америки «честных американцев», выступающей островком классово-политической солидарности, – и «Америки Пентагона» [36, с. 380].

Определяя стратегию национальной безопасности в первые годы «холодной войны», руководство США большое внимание уделяло генезису и сущности советской, коммунистической, тоталитарной государственности и исходя из этого пытались атрибутировать образ другого. В документе, датированном июлем 1947 г., СССР воспринимался одновременно и сильным *оппонентом* [7, с. 121], но, в то же время имеющим вполне очевидные уязвимые места.

Исходя из этого, – отмечалось в тексте, – «ведение отношений с советскими дипломатическими лидерами представляется одновременно и простым, и сложным, если сравнивать с дипломатической линией отдельных агрессивных лидеров, таких как Наполеон и Гитлер. С одной стороны, Советы более уязвимы для противоборствующей силы, более склонны к уступкам в индивидуальных секторах их дипломатического фронта, если эта сила имеет значительный перевес, и, таким образом, более рациональны с точки зрения логики власти. С другой стороны, их не так легко победить или обескуражить отдельно взятой победой со стороны их противников<...>» [7, с. 119].

В «Обзоре политической ситуации в мире», подготовленном в ноябре этого же года, давались довольно оптимистические прогнозы: «Опасность войны крайне преувеличена во многих странах. Советское правительство не хочет и не ожидает войны с нами в обозримом будущем» [7, с. 124]. При этом подчеркивалось (июль 1948 г.), что «для безопасности Соединенных Штатов исключительно важным является успешное сопротивление тех или иных свободных государств агрессии мирового коммунизма, руководимых Советским Союзом» [7, с. 140]. Это рассматривалось как обоснование необходимо-

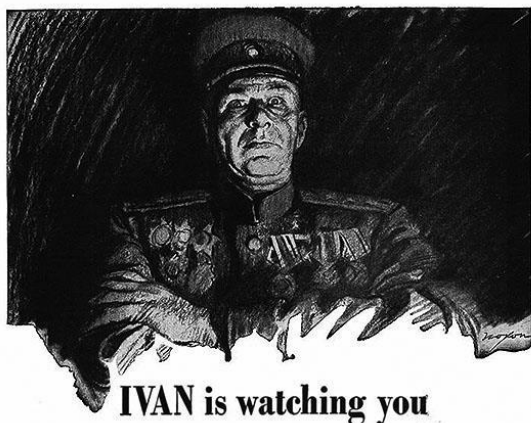
сти реализации известного плана Маршалла, включенного в состав внешнеполитической стратегии «глобального контрнаступления на коммунистический мир во главе с Советским Союзом», что предусматривало осуществление программы, «направленной на подавление коммунистической угрозы в Соединенных Штатах» [7, с. 167-168] и последовательное воздействия на страны Восточной Европы для «*координации антикоммунистических усилий*».

В условиях встречного негативного имагологического поворота [18; 19], в для достижения целей гибридной, «политической войны» [7, с. 176] ставились две основные задачи: «ослабить мощь и влияние Москвы до таких пределов, когда она уже не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества; внести фундаментальное изменение в теорию и практику международных взаимоотношений, которых придерживается находящееся у власти в России правительство» [7, с. 178]. Это предполагало осуществление «тайных операций, направленных на развенчание мифа, которые заставляют народы, находящиеся вне досягаемости советской военной машины, быть в подчинении у Москвы» [7, с. 191].

В ноябре 1948 г. были конкретизированы задачи США по сдерживанию угроз, исходящих от СССР, идеология, политический строй и созданная им система, рассматривались как главная угроза национальной безопасности США [7, с. 211]. Среди них фигурировали такие пункты, как «усиление проамериканской ориентации некомунистических стран, оказание помощи странам, способным и желающим внести свой вклад в укрепление безопасности США<...>; оказание максимального давления на советские органы власти и особенно на отношения Москвы и государств-спутников» [7, с. 219].

При этом фиксировался важный фактор возможности реального столкновения, основанный на экспертизе совершенствования военного потенциала. Отмечалось, что «возможно, не позднее 1955 года СССР сможет нанести массированные воздушные удары против США с использованием атомного, биологического и химического оружия» [7, с. 214]. Однако, оговаривался очень существенный момент о вероятности возникновения «горячего» конфликта из-за случайности и

непредвиденных обстоятельств. «Война, — отмечалось в документе, — может разразиться из-за неправильной оценки ситуации, из-за ошибочной оценки любой из сторон того, насколько далеко можно заходить, оказывая давление на противника. Существует вероятность того, что СССР захочет прибегнуть к военным действиям из-за неправильной оценки намерений США, касающихся обеспечения собственной безопасности» [7, с. 215].

IVAN is a dyed-in-the-wool Communist. There are only 6 million party members like him in all Russia, yet those Communist brass-hats enforce the iron dictatorship of the Kremlin over 200 million Russians.

He's sold to the hilt on Red Ideas. Which means he's out to get you. He believes it's either you or him... that the world is too small for both.

Ivan is working hard to beat you down. He has a big head start.

Right now he's got you in a bad spot. Ivan is afraid of only one thing.

He fears your ability to out-produce him in guns, tanks, planes.

Frankly, he doesn't think you value your free system enough to do it... to make willingly the sacrifices he has squandered out of the Russians.

But he's wrong!

Because you and all of us have set out

to build more and better weapons—to do it faster all the time.

We must use every bit of know-how and inventive skill we have to improve our machines and methods—to turn out more and more for every hour we work. Only in this way can we become militarily strong.

But we've got to supply essential civilian

needs as well. We can't allow needless shortages to take prices skyrocketing and lower the value of our dollar.

Sure, that means sacrifices for everybody. But doing this double job well is the only sure way to stop Ivan in his tracks—and to save the freedoms which are ours and which he has never known.

FREE... this important booklet tells you how our American System Grew Great

How Americans developed faster machines, power and skills to build a great nation... Why we have been able to produce necessary goods for home... How this has given us the world's highest living standard.

How our American System works—Why we must expand our productive capacity, supply arms and essential civilian needs, too. Read how this dynamic process works in five booklets, "The Miracle of America," endorsed by representatives of management and labor. Send for your free copy today!

MAIL THE COUPON—The advertising was sent you free of charge. No purchase necessary. Send to: McGraw-Hill, Dept. 5, P. O. Box 518, N.Y.

Name: _____
Address: _____
Occupation: _____

This advertisement, approved by representatives of management, labor and the public, is published in the national interest.

McGraw-Hill Publishing Company

THE BETTER WE PRODUCE THE GREATER WE GROW

109

Интересно, что «технологический» вариант возникновения подобной ситуации был смоделирован в известном кинофильме С. Люмета «Система безопасности» / «Fail-Safe» (США, 1964), когда система безопасности обернулась против ее создателей: «голос американского президента, и лидера СССР (который в фильме традиционно назван “председателем”, в чем также просматривается принципиально-символическое неприятие реальной власти в странах социалистического лагеря, принадлежащей секретарям компартии) оказываются бессильными остановить запущенный механизм взаимоуничтожения<...>» [34; 35, с. 186].

Несмотря на то, что картина появилась уже после конкретных политико-дипломатических и военно-стратегических тревожных сигналов, локальных эскалаций конфронтации, связанных со вторым Берлин-

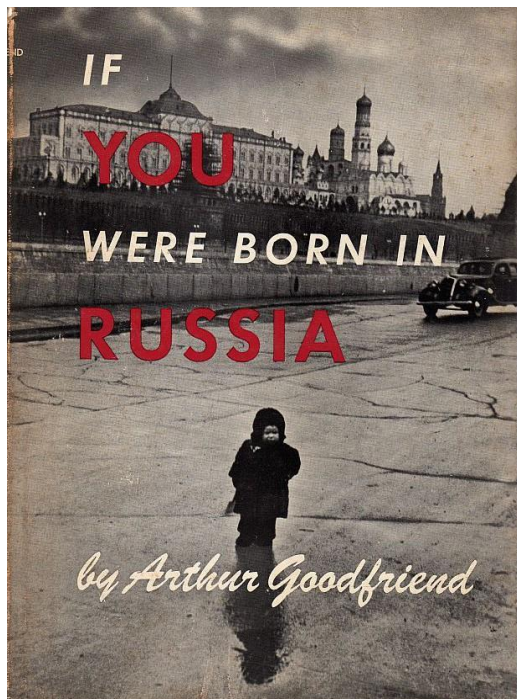
ским и Карибским / Кубинскими кризисами, имагологические аспекты которых выступает актуальным направлением исследований [8; 16; 26], тем не менее, контекстуально все это (официальные документы и медиатексты) объединяют оба цикла инсталляционного этапа, особенность «ранней холодной войны», отражая общий вектор репрезентаций представлений о «своих» и «чужих», моделирование встречных ответных действий.

Это в очередной раз верифицирует сложную морфологию следующего периода и состояния советско-американских отношений — «холодного потепления» конца 1950 – 1970-х гг., при котором «элементы “разрядки” в области культуры, кинематографии, появившиеся намного раньше этого феномена в международных отношениях, непрерывно сосуществовали с атмосферой политико-идеологической напряженности <...>» [38, с. 754-755].

Другие документы, в частности, материалы Комитета начальников штабов, хранящиеся в Государственном архиве г. Вашингтона, свидетельствуют о высокой степени синхронизации, simultанности превентивных действий как информационно-психологического, так и военно-стратегического характера, предпринимаемых обеими антагонистическими сторонами.

Так, как известно, 1949 г. в СССР вполне обосновано в историографии именуют годом антиамериканской пропаганды, которая была направлена на предельную дегуманизацию образа врага в лице США. В апреле-мае 1949 г. советским руководством был даже разработан специальный «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время», который предусматривал «систематическое печатание материалов, статей, памфлетов, разоблачающих агрессивные планы американского империализма, антинародный характер общественного и государственного строя США, развенчивающие “басни” американской пропаганды о “процветании” Америки...». Были заданы основные визуальные, семиотические основы антиамериканской пропаганды, которая преследовала целью четко показать следующие аспекты: «вырождение культуры в США, космополитизм на службе американской реакции, расовые теории американского империализма, низкий уровень здравоохранения в США,

кризис просвещения в США, наука на службе американских монополий, проповедь аморализма и звериной психологии в США, продажная американская печать, разложение киноискусства в США» [27, с. 324; 36, с. 152]. Тем самым, «"точечный", "дисперсный" образ врага, касавшийся отдельных политиков, политических кругов, превратился в целостный образ враждебного Запада во главе с США» [25].

В США 29 мая 1949 г. было подготовлено «Краткое изложение объединенного чрезвычайного плана боевых действий (Of-tackle), в котором начало предполагаемой войны, «навязанной США актами агрессии СССР и/или его союзников» [7, с. 319], рассматривалась как военно-стратегическая предпосылка, из которой необходимо исходить при дальнейшем планировании действий в отношении противника и его образа для рядовых американцев. Согласно «точки зрения А», предполагалось «установить приоритеты оперативной и материально-технической поддержки, необходимой для того, чтобы как можно раньше начать массированные стратегические воздушные бомбардировки для подавления боеспособности СССР». И далее: «Такие воздушные бомбардировки должны продолжаться до тех пор, пока не будут получены решающие результаты или пока потенциал Советов не будет уничтожен настолько, чтобы этой задачи можно было добиться за счет применения сил в масштабе, не подвер-

гающем опасности экономику страны» [7, с. 327].

При этом в более раннем документе – «Кратком описании характера войны в ядерную эпоху» (16 декабря 1948 г.), рабочая гипотеза о датировке начала войны была иной. Отмечалось, что «война между США и союзниками (союзники) и СССР и его союзниками (советский блок) предположительно начнется в 1964 г., после того, как международный конфликт, связанный с распространением коммунизма, достигнет своего апогея» [7, с. 339]. Но в служебной записке, адресованной министру Джонсону и составленной в ноябре 1949 г. (вероятно, речь идет о Л.А. Джонсоне, занимавшем с марта 1949 по сентябрь 1950 гг. пост министра обороны США, хотя в сборнике документов нет никаких соответствующих археографических комментариев – К.Ю.) констатировалось, что испытание атомной бомбы, произведенное в СССР, привело к резкому ухудшению первичных прогнозов, предоставленных Комиссией по разработке политики в сфере авиации (Air Policy Commission), Объединенным советом Конгресса по разработке политики в сфере авиации (Joint Congressional Aviation Policy Board), рассчитывавших, что это произойдет не ранее 1952-1953 г. Теперь же, отмечалось далее, «даже самые мрачные прогнозы выглядят слишком оптимистично» [7, с. 369].

Поэтому в «Задачах и программах национальной безопасности США» (апрель 1950 г.), образ СССР формировался на основе выше изложенной военно-политологической экспертизы: «Возможности советской системы реализуются в полном объеме, так как кремлевская система является крайне воинственной. Высокий уровень милитаризма объясняется тем, что Советский Союз контролирует революционное мировое движение и одержим им. Кроме того, СССР является наследником российского империализма и представляет собой тоталитарную диктатуру <...>. Кроме того, следует также учитывать ряд возможностей, которые, строго говоря, не являются институциональными, или идеологическими. Необычайная гибкость советской тактики, безусловно, также является источником силы Кремля. А источником этой гибкости в свою очередь является крайняя аморальность и меркантильность советского политического курса. Добавляя к подобной

гибкости конспиративность, Кремль получает возможность действовать скрыто и быстро, не сужая при этом тактического пространства» [7, с. 390-391].

В завершении делался вывод, в котором США позиционировались как главный «центр власти свободного мира» [7, с. 449], что выполняло функцию легитимации взятых им геополитических обязательств, заключающихся в необходимости «сорвать планы Кремля на мировое господство, и создать такое положение в свободном мире, под которое Кремлю придется подстраиваться» [7, с. 449-450]. И ниже следовало не менее важное положение: «Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что *холодная война – это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира*» [7, с. 451].

Поэтому, как мы отмечали ранее, напряженность начального этапа «холодной войны» непосредственно повлияла и на состояние медиапространства, массовой культуры США, в котором, по давно использовавшемуся еще в советской и зарубежной историографии и публицистике словосочетанию, осуществлялась репрезентация активности «щита и меча» [10, с. 115] (или плаща и кинжала как символов спец. служб) – деятельности спец. служб, направленная на выявление «чуждых элементов» или экспликацию «красной угрозы» / опасности. В качестве примера можно привести фильм режиссера И. Пичела «Управление стратегических служб» / «O.S.S.» (1946), иллюстрирующий «конструктивно» разрушительную миссию американских агентов-диверсантов, помогающих уничтожать железнодорожные коммуникации во Франции с целью предотвращения их использования нацистами.

Далее, это кинофильм мастера немецкого экспрессионизма, эмигрировавшего в США, Ф. Ланга «Плащ и кинжал» / «Cloak and Dagger» (США, 1946) с участием Г. Купера и знаменитой немецко-американской актрисы Л. Пальмер. В к/ф недвусмысленно проводится идея о ведущей роли американского секретного ведомства – Управления стратегических служб в обезвреживании нацистско-фашистской физической науки,

стремящейся любым путем довести до логического конца разработку «оружия № 1» – атомной бомбы [См. подр.: 32, с. 77].

В 1947 г. был снят к/ф режиссера Г. Хэтэуэя «Дом 13 по улице Мадлен» / «13 Rue Madeleine» с Дж. Кэгни в главной роли. Здесь непосредственно показано стремление США к качественно-интенсивному контролю над оккупированными немцами территориями» [32, с. 77]. В 1948 г. появился кинофильм Железный занавес» / «The Iron Curtain» (США, 1948, реж. У.А. Уэллмен), который стал «примером конфронтации на музыкально-кинематографическом “холодном” фронте» [31, с. 356; 36, с. 266], поскольку он вызвал особый негативный резонанс в СССР. Советские композиторы Д.Д. Шостакович, С.С. Прокофьев, А.И. Хачатурян и Н.Я. Мясковский направили в редакцию газеты «Известия» протестно-оправдательное письмо по поводу использования их музыки в американском кинофильме. В 1949 г. выходит на экраны нуар-триллер Р. Спрингстина «Красная угроза» / «The Red Menace» (США, 1949), ставший непосредственным олицетворением этого этапа «холодной войны». «Образование НАТО потребовало от США активнее напомнить обществу о реалиях Холодной войны и той цели, с которой была создана новая организация. Поэтому «дуальная логика» противостояния с СССР, и без того сильная в американском обществе и СМИ, получила новый импульс» [17, с. 77].

Начинается дегуманизация образа коммунистического СССР и в публицистических изданиях. В 1950 г. массово тиражировалась брошюра А. Гудфренда «Если Вы родились в России» [45], в которой осуществлялась репрезентация образа жизни «типичной» русской семьи, обреченной в условиях советского режима стать частью «красной машины» [48], пройти запрограммированный жизненный цикл и претерпеть полностью детерминированную социализацию, подчиненную единственной цели – выполнению своего функционального предназначения в коллективистской системе, загоняющей в подполье все проявления личностного самоопределения – интеллектуальные, религиозные и иные убеждения. Выпуск журнала Collier's за 27 октября 1951 полностью посвящен моделированию Третьей мировой войны с расстановкой вполне предсказуемых имагологиче-

ско-футурологических акцентов – потенциальный конфликт завершится победой и торжеством сил добра в лице США и полным поражением «красной империи» зла – коммунистического СССР [42].

В феврале этого же года в американском авиационном еженедельнике «Aviation Week» была опубликована оригинальная реклама издательства McGraw-Hill Publishing Company. На одной из страниц была помещена большая фото-иллюстрация – изображение зловещего русского / советского офицера с надписью-комментарием «Иван наблюдает за тобой» (см. иллюстрацию). Ниже был помещен следующий текст: «Иван отъявленный коммунист. Есть только 6 миллионов членов партии, как он, во всей России, но эти коммунистические фуражки следят, чтобы более 200 миллионов русских соблюдали железную диктатуру Кремля. Он с головой продался красным идеям. <...> Мы должны использовать каждую частицу секретов производства и изобретательского мастерства, мы должны улучшить наши машины и методы – выпускать все больше и больше за каждый час нашей работы. Только таким образом мы можем стать сильнее в военном отношении. Но мы также должны поддерживать основные гражданские потребности. Мы не можем допустить ненужного дефицита, взвинчивания цен и снижения стоимости нашего доллара. Конечно, это означает жертвы для всех. *Но хорошо делать эту удвоенную работу – единственно верный способ, чтобы остановить Ивана, и для сохранения свобод, которые являются нашими и которых он никогда не знал*» [47].

Заключение

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить следующее. Безусловно, изученный пласт внешнеполитической документации, а также публицистический контент, созданный на начальном этапе «холодной войны», представляет собой достаточно монологичную, гомогенную оценку образа другого, что обусловлено происхождением данных материалов, исходящих преимущественно от одного участника-субъекта конфликта – США, американской государственно-политической и военной администрации. Как уже было показано выше, многие из этих документов неоднократно вводились в научный оборот, как на

языке оригинала, так и публиковались в советско-российских изданиях.

В контексте глобальной, геополитической истории они формируют уже известный политико-идеологический дискурс, связанный с репрезентацией так называемой «доктрины сдерживания» коммунизма, ставшей олицетворением внешнеполитических тенденций периода президентства Г. Трумэна и отраженной в «длинной телеграмме Кеннана», непосредственно призывавшей к обстоятельному изучению сущности «врага номер один». В частности, там отмечалось, что «на первом этапе мы должны понять природу движения, с которым мы имеем дело. Мы должны изучить его с такой же решимостью, беспристрастностью, объективностью и эмоциональной грамотностью, с какими врач изучает непослушного и неблагоприятного пациента» [20].

Этими установками была продиктована вполне предсказуемая линия дегуманизации образа другого, который предстает в документах не просто как «неблагообразный пациент», а как серьезная угроза, источник военной и идеологической опасности. В ранее цитируемом здесь документе, «Задачах и программах национальной безопасности США» (апрель 1950 г.), резюмировалось: «Советская идеология и предпринимаемые

действия почти не оставляют сомнений в том, что Кремль ставит перед собой цель подчинить весь *свободный мир*, используя при этом методы холодной войны. Излюбленные технические приемы Кремля – это диверсии и запугивание <...> Принципы, на которых строится свобода и демократия, ограничивают наши возможности по принятию ответных мер, и Кремль открыто злоупотребляет этим. *Ведь для тех, кто считает, что “моральные нормы – это то, что отвечает интересам революции”, не существует принципов* [7, с. 413].

В то же время, с учетом интенсивно развивающегося имагологического подхода и методологии, не только на примере событий новейшей истории, но и в широкой исторической ретроспективе [12; 13; 14; 15; 23; 24; 25], данный пласт документов по-прежнему представляет значительный интерес для концептуальной реконструкции истории «холодной войны» в реалиях постхолодного или неохолодного мира. Многие современные исследователи [4, с. 50-51] справедливо обратили внимание на существующие уязвимые фрагменты историко-историографического полотна, связанные с недостаточной степенью изученности «феномена “красной угрозы” как самостоятельного явления» и показали обоснованность детальной воспроизводства социокультурного контекста, в том числе влиявшего на «эволюцию русофобии в США» [4, с. 50].

В 1946-1950 гг., первые годы «холодной войны», наблюдается тенденция имагологической реконверсии, при которой временно амортизированные в период Второй мировой войны антисоветские стереотипы и настроения, вновь начинают возобладать. При этом аксиологический и цивилизационный дуализм, дихотомийность (мы, американцы, носители свободы и справедливости – «хорошие», они – государство тоталитарного угнетения, несвободы и моральной беспринципности – однозначно «плохие»), проявлялись с разной степенью интенсивности. Если официальные документы, прежде всего, предназначенные для служебного пользования, фиксировали в достаточно строгом и формализованном виде военно-стратегические и политические расчеты, то на медиапространстве и массовой культуре, повседневности, информирование о «красной»,

коммунистической угрозе, осмысление последствий недооценки ее опасности, приобретает более свободный и эмоционально-негативный характер.

Другой момент. Наши коллеги [17] также справедливо обратили внимание на имагологические дрейфы в СМИ, связанные с обстоятельствами возникновения и легитимации Китайской Народной Республики в октябре 1949 г., когда в американской прессе осуществлялась информационно-политическая диагностика, как на это событие отреагируют не только СССР, но и союзники по НАТО, прежде всего, Великобритания.

Американское доминирование и верховенство в иерархии «своих», непреклонность по отношению к еще одному врагу – «врагу номер два», коммунистическому Китаю, было также подкреплено и на медиапространстве. Символично, что именно в это время появляется кинофильм «Конспиратор» / «Conspirator» (Великобритания-США, 1949, реж. В. Савилл), в котором поднимается тема уязвимости британской разведки, где появляются не только «комсипы», симпатизирующие коммунистам [49, р. 47], но и непосредственно перешедшие на их сторону. Таким являлся майор М. Карра (Р. Тейлор), работавший на советскую разведку [См.: 31, с. 354-355]. Зато американское мировоззрение и идентичность, заключающиеся в умении различать черное и белое, своих и чужих, демонстрируются безупречными. В к/ф «Кровавая аллея» / «Blood Alley» (США, 1955, реж. У. Уэллмен) американский капитан Т. Вилдер (Д. Уйэн), выступает олицетворением свободной Америки, создает образ «славного парня», «мистера Америки» [33, с. 43], над которым нависла угроза быть вовлеченным в кровавый «красный кошмар», устроенный китайскими коммунистами [37, с. 54].

Д. Уэйн в к/ф "Кровавая аллея" / "Blood Alley" (США, 1955)

Наконец, третий аспект, связан с объективной историографической и имагологической репрезентацией, источниковедческой и эпистемологической комплементарностью. Также, как в российской историографии период маккартизма в США конца 1940 – середины 1950-х гг. рассматривается как феномен, оказавший травматическое и требующее преодоления воздействие на американское общество, в равной степени оценки, даже созданные в документах «холодной» эпохи и обладавшие имманентной идеологической пристрастностью, на современном интеллектуальном пространстве могут и должны быть конвертированы для создания позитивного, положительного ресурса, направленного на создание конструктивного интеллектуального диалога и подлинной интеллигенции [40; 41], недопущение деструктивной индоктринации, вызвавшей к жизни репрессивные практики сталинизма.

Таким образом, несмотря на продолжающееся геополитическое размежевание, сохраняется онтологическая цельность и интеграция различий, общность проблем американского и российского общества, а также других, переживших в XX веке специфические государственно-политические эксперименты [6].

Библиографический список:

1. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945 – 1950 гг. М.: РУИ, 1995. 253 с.
2. Белов С.И. Легитимация покупки Аляски США в американском историческом кинематографе «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 208-214.

3. Белов С.И. Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим. СПб.: Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных исследований «Историческое сознание», 2021. 281 с.
4. Буранок С.О., Левин Я.А. Русофобия и «красная угроза» в США // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. Т. 21. № 67. С. 49-53.
5. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
6. Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии, 19-20 октября 2000 года. Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2001. 500 с.
7. Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1945-1950 гг. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. 504 с.
8. Журавлева В.И. Карибский кризис и ядерная угроза в карикатуристике США и СССР: сравнительный анализ // Новый исторический вестник. 2023. № 2. С. 77-100.
9. Журавлева В.И. Окончание «холодной войны образов»: визуальный поворот в советско-американских отношениях // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков, 1985-1991. М.: РГГУ, 2021. С. 234-256.
10. Золотарев В.А., Путилин Б.Г. Месть за Победу: Советский Союз и холодная война. М: Военная книга, 2014. 800 с.
11. Ильинский И.М. История учит (Вступительная статья к книге «Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии. 1945-1950 гг.» 2006 г.) // Ильинский И.М. Собрание сочинений. В 5 тт. Т. 4: Война и мир: история и современность. М.: Терра, 2016. С. 223-285.
12. Кирюхин Д.В. «Король негодяев»: Образ Перкина Уорбека в придворной историографии первых Тюдоров // Преподаватель XXI век. 2017. № 3-2. С. 239-245.

13. *Кирюхин Д.В.* Образы власти в политических предсказаниях и астрономии: «Книга астрологии» Генриха VII как визуальный источник // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 41-46.
14. *Кирюхин Д.В.* Образ кардинала Томаса Волси как одна из центральных фигур повествования в XXVII томе «Истории Англии» Полидора Вергилия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 17-22.
15. *Кирюхин Д.В., Кирюхина Е.М.* Образ короля Генриха VII в изобразительном искусстве Англии XVII – начала XX века // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 341-349.
16. *Клещенко Л.Л., Рябова Т.Б.* «Куба — любовь моя»: Символизм мужского и женского в советских репрезентациях острова Свободы // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 33-47.
17. *Левин Я.А., Буранок С.О., Токмакова П.Д.* Основание Китайской Народной Республики в оценках американской прессы // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2(22). С. 71-79.
18. *Николаева Н.И.* Новый образ США в советской политике и пропаганде // URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda16.htm> (Дата обращения: 09.10. 2022)
19. *Николаева Н.И.* Советская пресса об американской культуре: от «холодной войны» до оттепели (1940 – 1960-е гг.) // СССР и США в XX веке: восприятие «другого». М.: РОССПЭН, 2017. С. 60-69.
20. Оригинал «длинной телеграммы» Джорджа Кеннана // URL: <https://histrf.ru/read/articles/dlinnaia-tielieghramma-tiekst> (дата обращения: 28.07.2023)
21. *Рябов О.В.* Регуманизация «чужих»: Эволюция репрезентаций «врага номер один» в американском кинематографе Холодной войны // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 277-290.
22. *Рябов О.В.* «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946-1963 гг.) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 166–176.
23. *Самотовинский Д.В.* Благочестивые варвары под властью тиранов: москвиты во «Всеобщей космографии» Андрэ Тевэ (1575 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. № 1. С. 25-32.
24. *Самотовинский Д.В.* «Другой» между варварством и цивилизацией: москвиты во «Всеобщей истории мира» Франсуа де Бельфорэ (1570) // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. 2013. Т. 4. № 2. С. 154-160.
25. *Самотовинский Д.В., Куренчанина О.В.* Начало «холодной войны» и формирование образа внешнего врага в советской прессе // Вестник Гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2008. № 3. С. 322-325.
26. *Спутницкая Н.Ю.* Образ врага и метафоры Холодной войны в киносказке СССР и героическом комиксе США 1960–1963-х гг. // Новый исторический вестник. 2023. № 2. С. 101-120.
27. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК. 1945-1953. М.: Материк, 2005. 765 с.
28. *Федоров А.В.* Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Информация для всех, 2017. 389 с.
29. *Федотов А.А.* Некоторые аспекты развития империалистических процессов в XIX – начале XXI вв. // На пути к гражданскому обществу. 2022. № 4. С. 26-31.
30. *Шишкова Т.* Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М: Новое литературное обозрение, 2023. 384 с.
31. *Юдин К.А.* Аккорды «холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 553-558.
32. *Юдин К.А.* Англо-американский кинематограф 1940 – 1970-х гг. и система государственно-политического контроля США

- // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 1(33). С. 74-88.
33. Юдин К.А. Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 – начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2018. Вып. 4(18). История. С. 39-52.
 34. Юдин К.А. Кинополитика и идеология США в период «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 12-1. С. 84-97.
 35. Юдин К.А. «Образ врага» и атмосфера «холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960-х – 1970-х гг. // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 178-194.
 36. Юдин К.А. Советская кинополитика накануне и в период «холодной войны». Иваново: АО Информатика, 2023. 430 с.
 37. Юдин К.А. Советские и американские кинопроизведения 1940 – начала 1950-х гг.: медиа-текстуальный дискурс «холодной войны» // Вестник Гуманитарного института. 2020. Вып. 1. С. 49-56.
 38. Юдин К.А. Советская кинополитика второй половины 1950 – конца 1970-х годов // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 752-773.
 39. Юдин К.А. «Холодная война» – «холодный» юмор: политико-сатирическая имажосфера англо-американского кинематографа 1960-х гг. // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 2. Ч. 2. С. 351-367.
 40. Юдин К.А., Бандурин М.А. «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108-120.
 41. Юдин К.А., Бандурин М.А. Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 56-66.
 42. Collier's. 1951. 27 October.
 43. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N.Y.: Columbia University Press, 1978. 449 p.
 44. Fleming D.F. Cold War and Its Origins, 1917 – 1960. 2 Vols. Vol. 1 N.Y.: Prentice Hall, 1960. 404 p.
 45. Goodfriend A. If You Were Born in Russia. Farrar, Straus, 1950. 192 p.
 46. Hoover and the Un-Americans: the FBI, HUAC, and the Red Menace. Philadelphia: Temple University Press, 1983. 419 p.
 47. IVAN is watching you // Aviation Week. 1951. 26 February.
 48. Riabov O. «Red Machine»: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. № 2. P. 536-550.
 49. Shaw T. Hollywood's Cold War. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 336 p.

©Юдин К. А., 2023